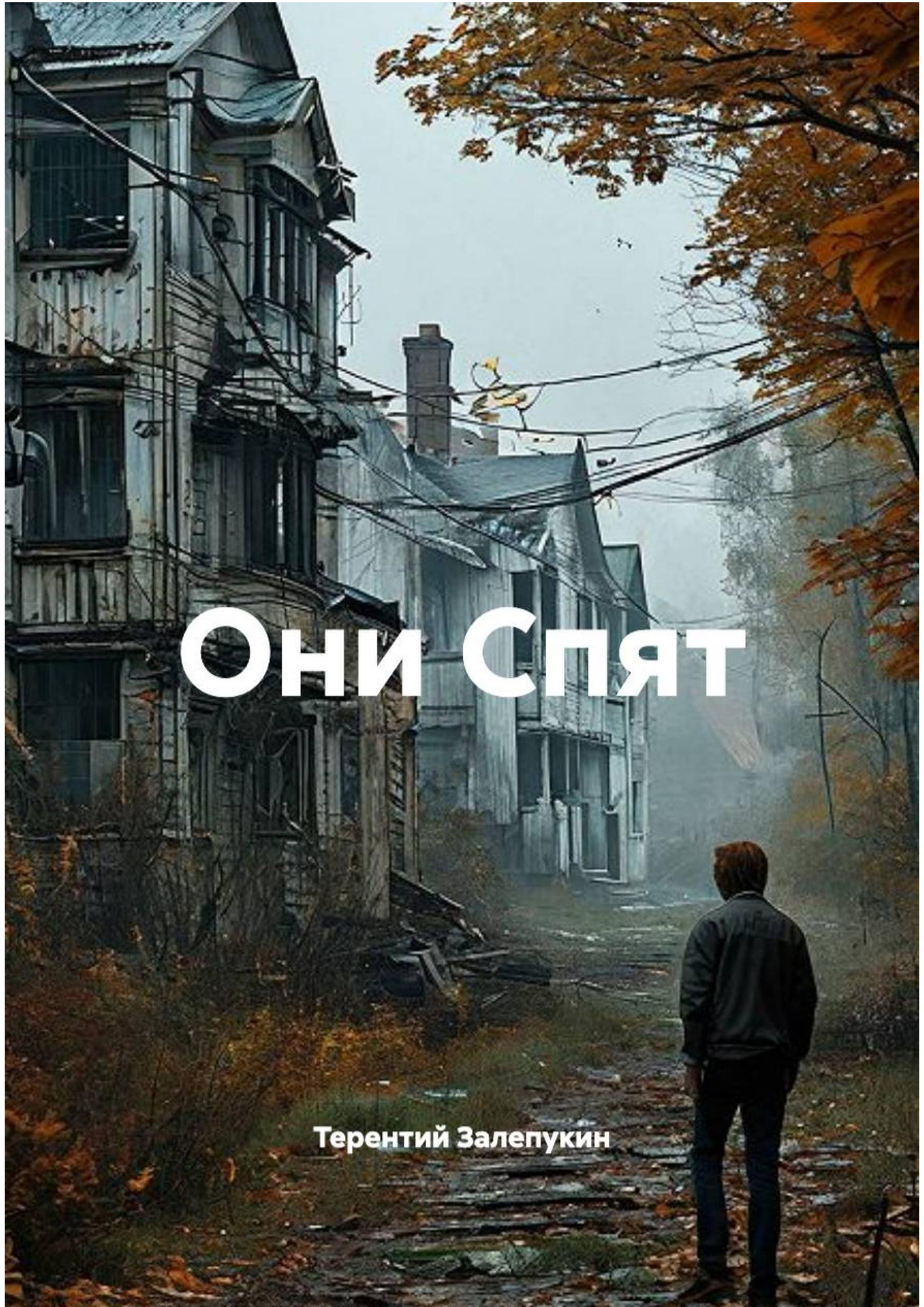

Они Спят

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин
Они Спят

«Автор»

2026

Залепукин Т.

Они Спят / Т. Залепукин — «Автор», 2026

Рассказ о том, как долго может длиться одиночество в четырёх стенах, о слепоте системы и соседей, и о том, что иногда безумие оказывается единственно работающей защитой от мира, который не желает тебя замечать...

© Залепукин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Вызов	5
II. Дверь	7
III. Архив	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Терентий Залепукин

Они Спят

I. Вызов

Диспетчер сказал только: «Труповозка нужна, но сперва вы — там живая есть, и с ней что-то не то», — и по тому, как он это сказал, коротко, без обычного балагурства, с каким он обычно спускал вызовы на нашу бригаду, я понял, что «не то» будет не рядовым «не то», а таким, о котором потом рассказывают на пересменке, понизив голос, хотя все и так уже слышали.

Стоял август две тысячи какого-то года — не важно, какого именно, потому что для истории, которую я собираюсь рассказать, важен не год, а температура: то нечастое в наших широтах лето, когда асфальт во дворах плавится под подошвой, а к полудню город начинает пахнуть раскалённым металлом и мусорными баками одновременно. Я упоминаю жару не для антуража. Жара — единственный по-настоящему объективный свидетель того, что случилось в той квартире, потому что жара, в отличие от людей, ничего не скрывает и ничего не боится сказать вслух.

Ехали мы долго — минут сорок через весь город, — и за эти сорок минут фельдшер Люда, работавшая со мной уже шестой год и повидавшая, казалось, всё, что способна предложить эта профессия, дважды спрашивала меня, что, собственно, диспетчер имел в виду под «с ней что-то не то». Я не знал, что ответить, и в конце концов сказал честно: «Понятия не имею, приедем — увидим», — фраза, которую я произносил за свою карьеру, наверное, тысячу раз, но именно в тот день, помню, она прозвучала как-то особенно неубедительно, будто я сам не верил в собственное спокойствие.

Мы приехали к пятиэтажке сталинской застройки — из тех, что в любом райцентре стоят десятками, неотличимые друг от друга, с одинаковыми лестничными клетками, где пахнет мышами, кошачьей мочой и чужими обедами. Обычно этот запах — весь ассортимент, который может предложить такой подъезд. В тот день, ещё на первом этаже, к нему примешивалось что-то ещё — сладковатое, плотное, никак не связанное с человеческим жильём, — запах, знакомый мне, увы, слишком хорошо по прежним вызовам, но никогда прежде не встречавшийся мне в такой концентрации, что хотелось не то зажать нос рукой, не то развернуться и уйти обратно на улицу, к нормальному, честному смраду раскалённого асфальта.

У подъезда толпились соседи — человек шесть, в основном пожилые женщины в застиранных халатах, — и толпились они с тем особым, жадным до подробностей молчанием, какое возникает вокруг мест, где случилось что-то по-настоящему скверное. Одна из них, завидев наши синие куртки, шагнула вперёд и сказала громким шёпотом, обращаясь не столько к нам, сколько к остальным соседкам: «А я говорила, я ещё в июне говорила, что запах не спроста, а мне — да брось, Валентиновна, свалка это, свалка так пахнет».

— Второй месяц лежали, — сказал следователь, встретивший нас у двери с чёрной картонной папкой под мышкой — тонкой, но, судя по тому, как он её держал, значительно потяжелевшей с утра. — Соседи только сейчас спохватились. Врать не буду, я сам удивляюсь, как они так долго терпели.

Тела к нашему приезду уже увезли — судмедэксперты работали здесь с ночи, — но вонь стояла такая, что чувствовалась даже на улице, хотя окна квартиры, как выяснилось позже, выходили во двор, а мы стояли с фасада. Запах смерти умеет находить щели там, где, казалось бы, щелей быть не должно, — маленькая, но по-своему поучительная деталь, если вдуматься в неё чуть дольше, чем хочется.

— Зачем мы, если тела уже забрали? — спросил я, хотя диспетчер уже намекнул на ответ.

— Там дочь их. Живая. — Следователь произнёс это слово, «дочь», с той же интонацией, с какой произносят слово, в достоверности которого сами сомневаются. — Хотя, если начистоту, я не уверен, что это подходящее слово. Сами увидите.

II. Дверь

Дверь — обшарпанная, обитая потрескавшимся дерматином, из тех, что не меняли, кажется, с олимпиады восьмидесятого года, — открылась сразу, без вопросов «кто там», без глазка, без цепочки, хотя цепочка на двери имела и, судя по вмятине в косяке, использовалась исправно на протяжении многих лет.

Женщина, впустившая нас, была одета в застиранный, некогда цветастый халат, а глаза её закрывала повязка — плотная, тёмная, завязанная сзади на голове аккуратным, явно не впервые сделанным узлом. Свет в прихожей горел, но она двигалась в нём так, как двигаются в темноте: вытянув одну руку вперёд, ощупывая воздух короткими, экономными жестами, и в этой экономности было что-то, отчего сразу становилось ясно — слепота эта не следствие несчастия, а давняя, обжитая привычка, форма существования, к которой тело приспособилось так же естественно, как приспосабливается к хромоте или к глухому уху.

Ей было, по документам, которые мы найдём позже, пятьдесят с небольшим. Выглядела она на все семьдесят пять, а то и больше: кожа сухая, пергаментная, свисающая с костей так, точно её владелица долгие годы недоедала не столько пищи, сколько дневного света. Волосы — редкие, седые, собранные в подобие узла на затылке чьей-то не особенно умелой рукой, возможно, её же собственной. Ногти на пальцах рук были длинными, желтоватыми, загнутыми внутрь, как у людей, годами не притрагивавшихся к ножницам, — и первое, что бросилось мне в глаза, когда она протянула руку, ощупывая косяк, было именно это: ногти не человека, а какого-то другого, менее заботящегося о себе существа, донашивающего человеческое тело как случайно доставшуюся одежду.

Впустив нас, она тут же вернулась к тому, чем, по всей видимости, занималась и до нашего прихода: подбирала с пола рассыпанные листы бумаги и связывала их в аккуратные пачки бечёвкой, отрезки которой, судя по обилию, хранились у неё где-то под рукой в промышленных, я бы сказал, количествах.

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня зовут Дмитрий Аркадьевич, я врач.

Она не подняла головы — куда ей было поднимать голову под повязкой, — но кивнула, коротко, вежливо, как кивают малознакомому соседу по лестничной клетке, столкнувшись с ним у мусоропровода.

— Здравствуйте, — сказала она. Голос у неё оказался неожиданно молодым — на десятилетия моложе тела, из которого исходил, — почти девичий, с той чистой, незатёртой интонацией, какая бывает у людей, много читающих вслух, но крайне мало говорящих с живыми собеседниками. В этом несоответствии между голосом и телом было что-то, отчего у меня, помню, по спине прошёл первый, ещё не осознанный холодок. — Извините за беспорядок. Всё перевернули, пока выносили.

Она сказала это тем же тоном, каким говорят о перевернутой вазе или упавшей полке, — тоном человека, для которого произошедшее в этой квартире два месяца назад и произошедшее сегодня утром принадлежат к одному и тому же, вполне заурядному разряду бытовых неурядиц.

III. Архив

Квартира была трёхкомнатной, обставленной той советской мебелью, что переживает не то что владельцев, а, кажется, саму историческую эпоху, их породившую, — сервант с гнутыми ножками, продавленный диван, круглый стол под клеёнкой в застарелых прожжённых пятнах от сигарет. Но обстановка терялась, почти не читалась за тем, что действительно заполняло квартиру, — за бумагой.

Она была повсюду. Пачки, перевязанные бечёвкой, толщиной сантиметров в пятьдесят каждая, стояли одна на другой у всех стен, точно кирпичная кладка, — местами доходя до потолка, местами клонясь набок под собственной тяжестью, придерживаемые лишь соседними такими же башнями. Ещё больше бумаги было в шкафах, дверцы которых стояли распахнутыми — то ли их не потрудились закрыть при обыске, то ли, что показалось мне вероятнее, глядя на утрамбованные, топорщащиеся во все стороны листы, закрыть их было уже физически невозможно.

Проходя вдоль одной из таких стен-башен, я обратил внимание на ещё одну деталь, которую поначалу принял за игру света: каждая пачка была снабжена ярлычком — обрывком другого листа, вложенным между бечёвкой и бумагой, — и на каждом ярлычке от руки была выведена дата. Не год, а именно полная дата, вплоть до дня недели. Я насчитал в одной только этой комнате пачки за три десятка различных лет, идущие по стенам не хаотично, а строго хронологически, слева направо, точно кто-то на протяжении полувека вёл летопись, из которой давно исчезли всякие внешние события, оставив только один, бесконечно повторяющийся мотив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.